

ЭДИТ НЭСБИТ

«ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД»

роман

Эдит Нэсбит

Волшебный город

«Автор»

2026

Нэсбит Э.

Волшебный город / Э. Нэсбит — «Автор», 2026

Десятилетний Филип тяжело переживает отъезд сестры Хелен, вышедшей замуж. Оставшись в чужом доме, он строит из подручных предметов — кубиков, книг, подсвечников и шахматных фигур — игрушечный город. Ночью город оживает, и Филип, а вслед за ним сводная сестра Люси, оказываются внутри волшебного мира. Чтобы вернуться домой, мальчику предстоит совершить семь подвигов: сразиться с драконом, победить львов, избавиться от страха Жителей у Моря и столкнуться с коварной Претенденткой на звание Разрушителя. На пути ему встретятся удивительные обитатели — от мистера Ноя из ковчега до римских легионеров. Но главное испытание — научиться принимать помощь и подружиться с той, кого он сначала считал своей проблемой. Эта трогательная и остроумная история классика английской литературы напоминает: чудеса рождаются из детской фантазии, а настоящая дружба способна победить любое зло.

© Нэсбит Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
НАЧАЛО	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдит Нэсбит

Волшебный город

Глава

Эдит Нэсбит
ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД

Роман

Перевод с английского

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дорогой читатель!

Перед тобой книга, которую я переводила с особым трепетом. «Волшебный город» Эдит Нэсбит — это одно из тех произведений, где детская фантазия перестаёт быть просто игрой и становится настоящей реальностью, куда можно войти, как в открытую дверь.

Эдит Нэсбит писала на рубеже XIX и XX веков, но её сказки не стареют. В них нет назидательности, зато есть живой юмор, искренняя любовь к детям и удивительное умение соединять обыденность с чудом. Наверное, потому она до сих пор остаётся одной из самых любимых английских детских писательниц во всём мире.

«Волшебный город» — это история о Филипе, который тяжело переживает отъезд любимой сестры. Оставленный в чужом доме, он находит утешение в строительстве игрушечного города из того, что попадётся под руку: кубиков, книг, подсвечников, шахматных фигур, костяшек домино. А ночью, при лунном свете, этот город оживает. И Филип, а вслед за ним и его нелюбимая сводная сестра Люси, оказываются внутри собственного творения.

Дальше начинаются настоящие приключения — с судами, драконами, львами, коварными врагами и загадочными жителями, среди которых встречаются те самые Ной с женой, ожившие фигурки из игрушечного ковчега. Каждый шаг в этом мире — испытание, но каждое испытание делает героев сильнее и мудрее.

Переводя эту книгу, я старалась сохранить живой, ироничный голос автора, её умение подшучивать над героями и над читателем, но при этом не потерять ту искреннюю теплоту, которая делает её книги такими родными. Местами я сталкивалась с непростыми языковыми загадками — игра слов, старые реалии, специфический английский юмор, — но надеюсь, что мне удалось передать дух оригинала.

Эта книга — не просто сказка. Это разговор о том, что воображение способно создать целый мир, о том, что настоящая магия начинается там, где мы готовы меняться, и о том, что даже самые непохожие люди могут стать верными друзьями. А ещё это напоминание: даже когда кажется, что всё потеряно, всегда есть шанс совершить подвиг — пусть не грандиозный, но самый важный для тебя.

Я желаю тебе, чтобы «Волшебный город» стал для тебя таким же живым и близким, каким стал для меня. Открой его страницы и позволь себе поверить в чудо. Оно рядом. Просто нужно уметь его заметить.

Наталия Голд

ГЛАВА I

НАЧАЛО

Филип Холдейн и его сестра жили в маленьком доме под красной крышей, в маленьком городке, где у всех дома были под красными крышами. У них был маленький сад, маленький балкон, маленькая конюшня с маленьким пони и маленькая тележка, в которую пони запрягали. В маленькой эркерной нише висела в клетке маленькая канарейка, а опрятная горничная следила, чтобы всё в доме блестело, как новая булавка.

У Филипа никого не было, кроме сестры, а у сестры никого, кроме Филипа. Родители их умерли, и Хелен, которая была старше брата на двадцать лет и приходилась ему на самом деле сводной сестрой, заменяла ему мать — единственную, какую он знал. Он никогда не завидовал другим мальчишкам, у которых были матери, потому что Хелен была добрая, умная и родная. Она отдавала ему почти всё своё время: учила его урокам, играла с ним, придумывала невероятные игры и приключения. Каждое утро, просыпаясь, Филип знал, что впереди новый день, полный радости и интересных событий. Так шло, пока Филипу не исполнилось десять, и у него не было ни тени сомнения, что так будет всегда.

Перемены начались в тот день, когда они с Хелен ездили на пикник в лес, где был водопад, и возвращались домой за старым толстым пони, таким смирным, что Филипу разрешали править самому. Они как раз проезжали последний поворот перед домом, и Хелен сказала:

— Завтра прополем астры и будем пить чай в саду.

— Здорово, — сказал Филип. Они завернули за угол, и показалась их белая садовая калитка. Из неё выходил какой-то мужчина, не из тех знакомых, которых они оба знали. Он

обернулся и пошёл им навстречу. Хелен взялась за вожжи (то, что она сама всегда учила Филипа никогда не делать), и пони остановился. Мужчина, которого Филип про себя окрестил «долговязым и твидовым», подошёл прямо перед носом пони и встал у колеса, с той стороны, где сидела Хелен. Она пожала ему руку и сказала «здравствуйте» вполне обычным тоном. А потом они стали шептаться. Шептаться! И Филип знал, что шептаться неприлично, потому что Хелен сама говорила ему это не раз. Он расслышал два-три слова: «наконец-то», «уже позади» и «сегодня вечером, значит».

Потом Хелен сказала: «Это мой брат Филип», и мужчина пожал ему руку через Хелен, что тоже было неприлично, Филип это знал, и сказал: «Надеюсь, мы станем лучшими друзьями». Филип ответил «здравствуйте», потому что так полагается. Но про себя добавил: «А я с тобой дружить не хочу».

Потом мужчина снял шляпу и ушёл, а Филип с сестрой отправились домой. Хелен была какая-то другая, и его уложили спать чуть раньше обычного. Заснуть он долго не мог: услышал звонок в парадную дверь, а потом мужской голос и голос Хелен, звучащие один за другим в маленькой гостиной под его спальней. В конце концов он уснул, а когда проснулся утром, шёл дождь, и небо было серым и хмурым. Он потерял запонку от воротничка, порвал чулок, натягивая его, прищемил палец дверью и уронил кружку для полоскания зубов, с водой, кстати говоря; кружка разбилась, а вода залилась в ботинки. Бывают такие утра, когда всё идёт наперекосяк. Это было одно из них.

Потом он спустился к завтраку, который в тот день был не таким вкусным, как обычно. Он, конечно, опоздал. Жир на беконе успел покрыться серой плёнкой, пока его ждали, — так сказала Хелен тем самым весёлым голосом, каким всегда говорила самые неприятные вещи. Но Филип не улыбнулся. Утро было совсем не такое, чтобы улыбаться, а серый дождь бил в окно.

После завтрака Хелен сказала:

— Чай в саду откладывается на неопределённый срок, и для уроков сегодня слишком сыро.

Это была одна из её милых придумок: дождливые дни не стоит портить ещё и уроками.

— Чем займёмся? — спросила она. — Может, поговорим про остров? Нарисую ещё одну карту, отмечу все сады, фонтаны и качели?

Остров был их любимой игрой. Он находился где-то в тёплых морях, среди пальм и разноцветного песка, их собственный остров, украшенный их же фантазией всем, что им нравилось. Филипу никогда не надоедало о нём говорить. Бывали минуты, когда он почти верил, что остров существует на самом деле. Он был там королём, а Хелен королевой, и больше никого туда не пускали. Только они двое.

Но в это утро даже мысль об острове не радовала. Филип поплёлся к окну и уныло смотрел на мокрый газон, на капающие ветки лабурнума и на ряд толстых, тяжёлых капель, повисших на железной калитке.

— Что с тобой, Пиппин? — спросила Хелен. — Только не говори, что у тебя корь, или страшная scarlatina, или противный коклюш.

Она подошла и приложила ладонь к его лбу.

— Да ты весь горячий, мальчик мой. Скажи сестре, в чём дело?

— Это ты мне скажи, — медленно проговорил Филип.

— Что сказать, Пип?

— Ты думаешь, что должна нести это одна, как в книжках, и быть благородной, и всё такое. Но ты должна мне сказать. Ты обещала, что у тебя никогда не будет от меня секретов. Ты сама знаешь, что обещала.

Хелен обняла его и ничего не ответила. А из её молчания Пип сделал самые отчаянные и мрачные выводы. Молчание тянулось. Дождь булькал в водосточной трубе и капал на плюш.

Канарейка в зелёной клетке у окна склонила голову набок, выбросила шелуху от зёрнышка прямо Филипу в лицо и вызываяще зачирикала. А сестра всё молчала.

— Не надо, — вдруг сказал Филип, — не смягчай. Скажи прямо.

— Что сказать? — повторила она.

— Что случилось? — спросил он. — Я же знаю, как это бывает с несчастьями, о которых заранее не предупреждают. Сперва кто-то приезжает, а потом уже сообщают семье.

— Что «это»? — спросила она.

— Несчастье, — выдохнул Филип. — Ой, Хелен, я же не маленький. Скажи мне! Мы разорились, потому что банк лопнул? Или домовладелец пришлёт судебных приставов забирать нашу мебель? Или нас обвинят в подлоге, или в том, что мы грабители?

Все книжки, какие Филип когда-либо читал, разом всплыли у него в голове и подсказали эти мрачные догадки. Хелен рассмеялась и тут же почувствовала, как брат напряжённо отстранился от неё.

— Нет-нет, мой Пиппин, милый, — поспешила сказать она. — Ничего такого ужасного не случилось.

— Тогда что же? — спросил он, и в нём росло нетерпение, будто внутри грыз волк.

— Я не хотела говорить тебе вот так, второпях, — с тревогой сказала она. — Но не переживай, мальчик мой. Это то, что делает меня очень счастливой. Надеюсь, тебя тоже сделает.

Он развернулся в кольцо её руки и посмотрел на неё с внезапным восторгом.

— Хелен, милая, я знаю! Кто-то оставил тебе сто тысяч фунтов в год, кто-то, кому ты когда-то придержала дверь вагона, и теперь у меня будет свой собственный пони, чтобы кататься. Да?

— Да, — медленно сказала Хелен, — пони у тебя будет. Но мне никто ничего не оставил. Слушай, мой Пиппин, — быстро добавила она, — больше ни о чём не спрашивай. Я сама расскажу. Когда я была совсем маленькой, как ты сейчас, у меня был близкий друг, с которым мы играли целыми днями, а когда выросли, остались друзьями. Он жил совсем рядом с нами. Потом он женился на другой. Потом та, другая, умерла. И теперь он хочет, чтобы я вышла за него замуж. У него куча лошадей, красивый дом и парк, — добавила она.

— А я где буду? — спросил он.

— Со мной, конечно, где бы я ни была.

— Но нас двоих уже не будет, — сказал Филип, — а ты говорила, что так будет всегда, навсегда.

— Но я тогда не знала, Пип, милый. Он ведь так долго меня ждал...

«А я разве тебя не жду?» — подумал Пип про себя.

— И у него есть дочка, тебе будет с ней так весело играть, — продолжала она. — Её зовут Люси, она младше тебя на год. Вы подружитесь крепко-накрепко. У вас обоих будут свои пони, и...

— Ненавижу её, — крикнул Филип очень громко, — и его ненавижу, и их дурацких пони ненавижу. И тебя ненавижу!

С этими страшными словами он вырвался из её рук и выбежал вон, хлопнув дверью нарочно.

Она нашла его потом в чулане для обуви, среди гетр, галош, крикетных стоек и старых ракеток, и они целовались, плакали и обнимали друг друга, и он сказал, что жалеет о своём поведении. Но в глубине души жалел он только о том, что расстроил Хелен. Того человека он по-прежнему ненавидел, а Люси ненавидел больше всех на свете.

Ему приходилось быть вежливым с тем человеком. Сестра была очень к нему привязана, и это заставляло Филипа ненавидеть его ещё сильнее, но одновременно заставляло скрывать эту ненависть. К тому же он чувствовал, что ненавидеть того человека не совсем честно по отношению к сестре, которую он любил. Но ничто подобное не мешало его отвращению к

Люси. Хелен рассказала, что у Люси светлые волосы, заплетённые в две косички, и он представлял её толстой, коротконогой девчонкой, точь-в-точь как та девочка из сказки про «Сахарный хлеб» в старой книжке со «Стёпкой-Растрёпкой», которая когда-то принадлежала маленькой Хелен.

Хелен была вполне счастлива. Она делила свою любовь между мальчиком, которого любила, и мужчиной, за которого выходила замуж, и верила, что оба они так же счастливы, как она сама. Мужчина, которого звали Питер Грэм, был вполне доволен; мальчик, то есть Филип, развлекался, потому что она об этом заботилась, но под этим весельем ему было тоскливо.

День свадьбы настал и прошёл. В жаркий послеполуденный час Филип поехал незнакомыми поездами, в незнакомом вагоне, в незнакомый дом, где его встретили незнакомая нянька и Люси.

— Ты ведь не будешь против пожить в чудесном доме Питера без меня, правда, милый? — спрашивала перед этим Хелен. — Все будут к тебе добры, и у тебя будет Люси, чтобы играть.

И Филип сказал, что не против. А что ещё он мог сказать, не капризничая и снова не доводя Хелен до слёз?

Люси оказалась совсем не похожа на девочку из «Сахарного хлеба». Волосы у неё правда были светлые, заплетённые в две косы, но длинные и прямые; сама она была худая, длинноногая, с веснушчатым лицом и весёлыми, живыми глазами.

— Как я рада, что ты приехал, — сказала она, встретив его на крыльце самого красивого дома, какой он когда-либо видел. — Теперь мы сможем играть во всё, во что нельзя играть в одиночку. Я единственный ребёнок в семье, — добавила она с какой-то печальной гордостью. Потом рассмеялась. — «Единственный» рифмуется с «одиноким», правда?

— Не знаю, — сказал Филип с нарочитой неправдой, потому что прекрасно знал.

Больше он ничего не сказал.

Люси пробовала завести разговор ещё пару раз, но Филип возражал на всё, что бы она ни сказала.

— По-моему, он очень-очень глупый, — пожаловалась она своей няньке, чрезвычайно вышколенной особе, которая с ней твёрдо согласилась. А когда на следующий день приехала её тётя, Люси сказала, что новый мальчик глупый и неприятный вдобавок, и Филип своим поведением так убедительно это подтвердил, что тётя, молодая и любящая, тут же велела собрать вещи Люси и увезла её погостить на несколько дней.

Так Филип остался в доме один на один с нянькой. Больше в доме никого не было, кроме прислуги. И вот тогда Филип начал по-настоящему узнавать, что такое одиночество. Письма и открытки, которые сестра присылала каждый день из разных городков на континенте, где они с мужем проводили медовый месяц, ничуть его не утешали. Наоборот, только злили, напоминая о тех временах, когда она была вся его, была слишком близко, чтобы присылать открытки и письма.

Чрезвычайно вышколенная нянька, ходившая в серой форме, белом чепце и переднике, не одобряла Филипа всем своим дисциплинированным существом. «Вредный поросёнок», — называла она его про себя.

Экономке она сказала:

— Он на редкость трудный и неприятный ребёнок. Полагаю, воспитанием его совсем не занимались. Ему нужна твёрдая рука.

Впрочем, твёрдой руки она к нему не применяла. Она обращалась с ним с равнодушием, которое раздражало сильнее любой строгости. У него была полная, но пустая и безрадостная свобода. Огромный дом был весь в его распоряжении, ходи из комнаты в комнату. Но трогать ничего не разрешалось. Сад тоже был в его распоряжении, гуляй сколько хочешь, но рвать цветы или фрукты запрещалось. Уроков у него, правда, не было, зато не было и игр. В доме имелась детская, но его туда не запирали и даже не поощряли туда ходить. Его отправляли

гулять одного, потому что парк был большой и безопасный. А детская была той единственной комнатой во всём огромном доме, что притягивала его сильнее всего, потому что была полна самых чудесных игрушек. Конь-качалка размером с настоящего пони, кукольный дом, лучший из всех, какие вы только видели, коробки с чайной посудой, коробки с кубиками, деревянными и терракотовыми, карты-пазлы, домино, шахматы, шашки — любая игра или игрушка, о какой вы только могли мечтать.

И Пипу не разрешалось трогать ничего из этого.

— Пожалуйста, ничего не трогайте, — говорила нянька с той ледяной вежливостью, которая идёт в комплекте с форменным платьем. — Игрушки принадлежат мисс Люси. Нет, я не могу взять на себя ответственность и разрешить вам играть с ними. Нет, я не стану беспокоить мисс Люси письмом с вопросом, можно ли вам их брать. Нет, я не могу дать вам адрес мисс Люси.

Скука и желание играть довели Филипа до того, что он унизился и попросил хотя бы об этом.

Два долгих дня он прожил в этом доме, ненавидя и его, и всех, кто в нём жил, потому что прислуга во всём брала пример с няньки, и мальчик чувствовал, что во всём доме у него нет ни одного друга. Почему-то он твёрдо решил, что сейчас Хелен нельзя ничем беспокоить, и потому написал ей, что чувствует себя прекрасно, спасибо, что парк очень красивый и что у Люси много хороших игрушек. Он ощущал себя очень храбрым, благородным и немного мучеником. И стиснул зубы, чтобы всё это вытерпеть. Это было вроде как провести несколько дней у зубного врача.

А потом всё разом переменялось. Нянька получила телеграмму. Брат, которого считали утонувшим в море, неожиданно вернулся домой. Ей нужно было немедленно ехать к нему.

— Даже если это будет стоить мне места, — сказала она экономке, и та ответила:

— Ну и поезжайте тогда. Я сама присмотрю за мальчиком, вон каким букой.

И нянька уехала. В счастливой спешке она собрала чемоданы и умчалась. В последний момент Филип, стоя на крыльце и глядя, как она забирается в двуколку, вдруг рванулся вперёд.

— Ой, няня! — крикнул он, чуть не попав под колесо, которое уже почти тронулось, и это был первый раз, когда он вообще как-то к ней обратился. — Няня, скажите, можно мне брать игрушки Люси поиграть? Тут так одиноко. Можно, да? Можно мне их брать?

Может, сердце няньки смягчилось от собственного счастья и мыслей о вернувшемся брате. А может, она просто так спешила, что не понимала, что говорит. Как бы там ни было, когда Филип в третий раз спросил: «Можно мне их брать?» — она торопливо ответила:

— Да бери что хочешь, господь с тобой! Осторожно, колесо, ради всего святого! До свидания всем! — и, махнув рукой прислуге, собравшейся на верху широкой лестницы, унеслась навстречу радостной встрече с не утонувшим братом.

Филип глубоко и удовлетворённо вздохнул, поднялся прямоком в детскую, вытащил все игрушки и внимательно рассмотрел каждую. На это ушёл весь день.

На следующий день он снова разглядывал всё это богатство, и ему захотелось что-нибудь из этого построить. Он привык к радости, которую приносит созидание. Они с Хелен не раз строили целые города для их острова-мечты из двух его ящиков с кубиками и всего, что только находилось в доме: её японского шкафчика, домино, шахматных фигур, картонных коробок, книг, крышек от чайников и кастрюль. Но кубиков у них всегда было маловато. У Люси кубиков хватало бы на что угодно.

Он начал строить город прямо на столе в детской. Но строить из одних только кубиков скучное занятие, когда привык мастерить из чего попало.

— Похоже на завод, — недовольно сказал Филип. Он смёл постройку и убрал кубики обратно по коробкам.

«Внизу наверняка найдётся что-нибудь подходящее, — подумал он, — а она ведь сама сказала: „Бери что хочешь“».

Охапками, по два-три предмета за раз, он таскал вниз коробки с кубиками и блоками, шашки, шахматы, коробку с домино. Он отнёс всё в длинную гостиную с хрустальными люстрами, где стулья были укрыты чехлами из грубого коричневого полотна, где было множество высоких светлых окон, а на столах и в шкафах лежало столько интересных вещей.

Он расчистил большой письменный стол от таких бесполезных и неважных предметов, как бювар, серебряная чернильница и книги в красных переплётах, и получил свободное место под свой город.

И начал строить.

Бронзовый египетский бог на чёрно-золотом шкафчике будто наблюдал за ним через всю комнату.

— Хорошо, — сказал ему Филип. — Я построю тебе храм. Погоди немного.

Бронзовый бог ждал, и храм рос, и два серебряных подсвечника, увенчанные шахматными фигурами, отлично сошли за колонны портика. Филип сходил в детскую за зверушками из ковчега Ноя: пара слонов, каждый на своём кубике, встала по обе стороны от входа. Получилось великолепно, точь-в-точь ассирийский храм с картинок, которые ему показывала Хелен. Но кубики сами по себе, где бы он ими ни строил, выглядели убого, будто фабрика или рабочий дом. Одни кубики всегда так.

Филип снова отправился на разведку. Нашёл библиотеку. Пришлось сходить туда несколько раз. Он принёс наверх двадцать семь томов в белом пергаменте с мраморными обложками, полное собрание Шекспира, десять томов в зелёном сафьяне. Из них получились колонны и галереи, тёмные, таинственные, притягательные. Ещё несколько зверушек из Ноева ковчега придали зданию египетский облик.

— Батюшки, до чего же красиво! — сказала горничная, зашедшая позвать его к чаю. — Ловкие у вас руки, мастер Филип, что уж говорить. Но влетит вам за то, что всё это натаскали.

— Та серая нянька сказала, что можно, — ответил Филип, — и постройкам ничего не будет от того, что я из них строю. Мы с сестрой дома всегда так делали, — добавил он, доверчиво глядя на горничную. Она похвалила его постройку. И это был первый раз, когда он вообще упомянул сестру кому-то в этом доме.

— Ну прямо как в раёшнике, — сказала горничная. — Точь-в-точь открытки, что мне брат из Индии присылает. Все эти колонны, купола и прочее, и звери тоже. Уж и не знаю, как вам такое в голову приходит, право слово.

Похвала штука сладкая. Он взял горничную за руку, и они вместе спустились по широкой лестнице в холл, где его ждал чай, крошечный поднос на огромном тёмном столе.

— А неплохой он мальчонка, — говорила потом Сьюзен за чаем в людской. — Просто эта нянька его своей чопорностью совсем запугала, помяните моё слово. Он вежливый, если с ним по-хорошему.

— Ну а мисс Люси его, значит, не пугала, — сказала кухарка, — только гляньте, как он себя с ней вёл.

— Да он и вообще тихий, — вставила старшая горничная. — Целый день от него ни звука не слышать. По мне, так со странностями.

— А вы загляните да посмотрите, что он там понастроил, — сказала им Сьюзен. — Тогда не скажете, что со странностями. Индия с пагодами рядом не стояла.

И они заглянули, все вместе, когда Филип уже лёг спать. Постройка успела вырасти, хотя ещё не была закончена.

— Я ничего не трону, — сказала Сьюзен. — Пусть завтра доиграет. А до возвращения этой няньки с её чепцами, воротничками и задранном носом всё уберём.

На следующий день Филип продолжил строительство. Он пустил в дело всё, что только можно вообразить: домино и коробку из-под него; кубики и книги; катушки от ниток, выпрошенные у Сьюзен, коробку из-под воротничков и жестянки из-под печенья, добытые у кухарки. Из домино он сделал ступени, а из его коробки террасу. Он набрал в саду веточек полыни-божьего дерева и воткнул их в катушки: вышли отличные горшки, точь-в-точь лавровые деревца в кадках. Медные полоскательницы сгодились под купола, а крышки от медных чайников и кофейников с дубового буфета в холле стали минаретами ослепительной красоты. Шахматные фигуры тоже пошли на минареты.

«Нужны ещё мощёные дорожки и фонтан», — подумал Филип. Дорожки вымостил перламутровыми фишками для карт, а фонтаном стала серебряная пепельница со стеклянным дном, из середины которой поднимался серебряный филигранный футляр для иголок; падающую воду он изобразил узкими полосками серебряной фольги от шоколада, который Хелен подарила ему на прощание. Пальмы получились легко, Хелен как-то показывала ему, как их делать, из веточек лиственницы, прикреплённых пластилином к стебелькам бузины. Пластилина среди игрушек Люси было в избытке. Впрочем, всего было в избытке.

И город рос, пока не занял весь стол. Неутомимый Филип принялся за второй город, на другом столе. Главным в нём стала большая водонапорная башня с фонтаном у подножия, и теперь он уже ни перед чем не останавливался. Он снял хрустальные подвески с больших люстр: вышли отличные фонтаны. Этот город получился ещё грандиознее первого. У него была высокая башня из корзины для бумаг и башня астролога из аппарата для увеличения фотографий.

Города вышли по-настоящему прекрасными. Жаль, я не могу описать их вам во всех подробностях: на это ушли бы страницы и страницы. Помимо всего перечисленного, там были башенки и башни, парадные лестницы, пагоды и павильоны, каналы, сверкающие, как настоящая вода, благодаря полоскам серебряной фольги, и озеро с лодкой на нём. В свои постройки Филип пустил всё подходящее из кукольного дома: деревянную посуду и еду, оловянные чашки и кубки. Населил город фигурками домино и шашек. Красивые шахматные фигуры пошли на минареты. Он построил крепости и расставил в них гарнизоны из оловянных солдатиков.

Он трудился усердно и с выдумкой, и чем прекраснее и интереснее становились его города, тем сильнее он их любил. Теперь он был счастлив. Для несчастья просто не оставалось времени.

— Оставлю всё как есть, до приезда Хелен. Как же она это полюбит! — сказал он вслух.

Оба города соединял мост, обыкновенная линейка-метр, которую он нашёл в швейной комнате прислуги и взял без всяких помех, потому что к тому времени вся прислуга была ему друзьями. Сьюзен была первой, вот и всё.

Он только что уложил свой мост на место, поставил мистера и миссис Ной на главную площадь изображать жителей и стоял, любуясь плодами своих трудов, как вдруг чьи-то жёсткие руки легли ему на плечи, и он вздрогнул и вскрикнул.

Это была нянька. Она вернулась на день раньше, чем её ждали. Оказалось, что брат её привёз с собой жену, и они с нянькой не ладили, так что настроение у неё было прескверное. Она схватила Филипа за плечи и встряхнула, чего с ним никогда прежде не случалось.

— Ах ты гадкий, скверный мальчишка! — сказала она, продолжая трясти его.

— Но я же ничего не сломал, я всё поставлю на место, — сказал он, дрожа и сильно побледнев.

— Больше ты ко всему этому не притронешься, — сказала нянька. — Уж я прослежу. Завтра утром я сама всё уберу. Взял чужое без спросу!

— Но вы сами сказали, что я могу брать всё, что захочу, — возразил Филип. — Так что если это плохо, то виноваты вы.

— Врунишка! — крикнула нянька и ударила его по костяшкам пальцев. Прежде Филипа никто никогда не бил. Он побледнел ещё сильнее, но не заплакал, хотя руки болели порядком: нянька схватила для удара ту самую линейку, а она была жёсткая и с острыми гранями.

— Это вы трусиха, — сказал Филип, — и это вы врунья, а не я.

— Придержи язык, — сказала нянька и потащила его в постель.

— Ужина не получишь, вот так! — сказала она сердито, укладывая его.

— Не очень-то и хотелось, — сказал Филип, — и вообще я должен вас простить до захода солнца.

— Ещё чего, прощать! — фыркнула она и вылетела вон.

— Когда вам станет стыдно, вы поймёте, что я вас уже простил, — крикнул ей вслед Филип, чем, разумеется, разозлил её ещё больше.

Плакал ли Филип, оставшись один, не наше дело. Сьюзен, которая наблюдала за встряской и побоями, не смея вмешаться, позже прокралась к нему с молоком и бисквитами. Она нашла его уже спящим и говорила потом, что ресницы у него были мокрые.

Когда он проснулся, ему сперва показалось, что уже утро: так светло было в комнате. Но потом он понял, что это не жёлтый солнечный свет, а белое сияние луны создаёт эту яркость.

Сперва он не мог понять, отчего ему так тоскливо, а потом вспомнил, что Хелен уехала и как отвратительно вела себя нянька. И что теперь она разрушит его город, а Хелен так его и не увидит. И он никогда не сможет построить такой же красивый снова. К утру всё исчезнет, и он даже не вспомнит толком, как это было построено.

Лунный свет был очень ярким.

— Интересно, как мой город выглядит при луне? — сказал он.

И тут же, в один миг, он решил спуститься и посмотреть своими глазами.

Он накинул халат, тихонько открыл дверь, прокрался по коридору и вниз по широкой лестнице, потом через галерею в гостиную. Там было совсем темно, но он на ощупь добрался до окна, откинул ставень, и вот он, его город, залитый лунным светом, точно таким, каким он его себе представлял.

Он с восторгом смотрел на него, потом повернулся, чтобы прикрыть дверь. И тут ощутил лёгкое головокружение и на секунду замер, прижав руку ко лбу. Он снова повернулся к своему городу, и когда подошёл совсем близко, издал негромкий сдавленный крик, испугавшись, что кто-нибудь услышит и придёт, и отправит его обратно в постель. Он стоял, растерянно озираясь, всё ещё немного кружилась голова. Потому что город, в короткой вспышке света, за которой последовала тьма, исчез. Исчезла и гостиная. Исчез и стул, стоявший у стола. Вдалеке он видел очертания огромных гор, поднимающихся к небу, и лунный свет освещал их вершины. А сам он оказался посреди огромной плоской равнины. Под ногами была мягкая высокая трава, но не было ни деревьев, ни домов, ни изгородей, ни заборов, ничего, что нарушало бы это травяное безбрежье. Кое-где было темнее, чем в других местах, вот и всё. Это напомнило ему бескрайние прерии из книг о приключениях, которые он читал.

— Наверное, я сплю, — сказал Филип, — хотя не понимаю, как я мог заснуть прямо поворачивая дверную ручку. Но всё-таки...

Он замер в ожидании, что что-нибудь произойдёт. Во сне всегда что-нибудь происходит, хотя бы то, что сон заканчивается. Но ничего не происходило, Филип просто стоял и чувствовал тёплую мягкую траву у щиколоток.

Потом, когда глаза привыкли к темноте равнины, он разглядел вдалеке очень крутой мост, ведущий на тёмную высоту, чью вершину белила луна. Он пошёл к нему и, приблизившись, увидел, что это скорее не мост, а что-то вроде лестницы, поднимающейся на головокружительную высоту. Казалось, она упирается в скалу, вздымающуюся высоко в тёмном небе, а внутри скалы будто была выдолблена одна огромная тёмная пещера.

За ней виднелись смутные очертания, похожие на церкви и дома.

И вот он уже стоял у подножия лестницы. Ступенек у неё не было, только узкие выступы для рук и ног. Филип вспомнил Джека и бобовый стебель и с надеждой посмотрел наверх, но лестница была очень, очень длинной. С другой стороны, это было единственное, что вело хоть куда-то, а стоять одному на травяной равнине, где он, казалось, провёл уже очень много времени, ему порядком надоело. Так что он взялся руками и ногами за лестницу и начал подниматься. Подъём был долгим. Триста восемь ступеней, он их сосчитал. И ступеньки шли только по одной стороне лестницы, так что приходилось быть предельно осторожным. Он поднимался и поднимался, всё выше и выше, пока ноги не заболели, а руки не начали отваливаться от усталости. Он не мог смотреть далеко вперёд и не решался смотреть вниз вовсе. Оставалось только карабкаться и карабкаться, и наконец он увидел землю, на которую опиралась лестница, террасу, высеченную ровными линиями, будто прямо из цельной скалы. Сперва над краем показалась его голова, потом руки, потом ноги. Он спрыгнул с лестницы в сторону и бросился ничком на землю, холодную и гладкую, как мрамор. Так он и лежал, глубоко дыша от усталости и облегчения.

Кругом стояла глубокая тишина, и вскоре он поднялся и огляделся. Рядом была арка с толстыми колоннами, он подошёл к ней и осторожно заглянул внутрь. Похоже, это были огромные ворота, ведущие на открытое пространство, а за ними виднелись смутные очертания, похожие на церкви и дома. Но всё было пустынно: лунный свет и он сам были здесь единственными хозяевами этого места, каким бы оно ни было.

— Наверное, все спят, — сказал Филип и остался стоять, слегка дрожа, но очень любопытный и заинтересованный, в чёрной тени странной арки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.